

П.С. Гуревич

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ РАКУРСЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

Сухов А.Д. Русская философия: характерные признаки и представители, особенности развития. М., 2012. 640 с. (тираж 800 экз.).

Не первый раз приходится мне рецензировать труды А.Д. Сухова. Безусловно, это известный специалист, основательно изучающий летопись русской философии. В данной работе автор не пытается проанализировать тему всесторонне. Это, впрочем, и невозможно в рамках одной книги. В своем исследовании А.Д. Сухов дает анализ характерных признаков русской философии, позволяющих выделить ее как нечто особенное из общего контекста философских культур различных стран и народов. Особое внимание автор обращает на тех представителей русской философии, в творчестве которых ярко и колоритно проявились ее свойства.

В недавно вышедшей книге Андрея Каравашкина хорошо описаны трудности, которые встают перед историком русской культуры вообще, философии в частности¹. Во-первых, автор отмечает обилие исследований по истории русской культуры. Стало быть, приходится избегать повторений. При этом следует учитывать обилие трудноразрешимых проблем, сопровождающих разработку любой концепции, непроясненность целого ряда фундаментальных вопросов, которые требуют концептуальной ясности².

А.Д. Сухов правомочно подчеркивает, что русская философия соприкасается со многими другими сферами мышления и деятельности. Речь поэтому в книге идет не только о философской мысли и философах в «чистом виде». Русский

философ мог быть и писателем, ученым, политиком. Но это, разумеется, не главная особенность темы. В истории мировой философии такая слитность с гуманитарной деятельностью в целом тоже встречается.

Особое внимание хотелось бы уделить вопросам национального самосознания, уникальности многих концепций, сложившихся в России на разных этапах существования нашей страны. Но А.Д. Сухов сразу демонстрирует оправданное остережение: рассматривая характерные черты национальной философии, необходимо, отмечает он, постоянно учитывать общие тенденции развития, которые свойственны философии мировой. Но проявляясь в специфических условиях, общее способно уклоняться в сторону особенного. В то же время, подчеркивает автор, эти уклонения могут гипертрофироваться.

Добавим от себя: воссоздавая историю прошлого, лучше остаться на консервативных позициях, нежели следовать за каждым изгибом мировоззренческой конъюнктуры. А.Д. Сухов стремится оспорить одно из укоренившихся положений в оценке русской философии. Она носила в основном религиозный характер. Критические соображения автора здесь существенны, но, на мой взгляд, безупречны. Да, на протяжении многих лет и десятилетий утверждалось, что заметное отличие русской философии от западной проявлялось в ее религиозной окрашенности. Различные социальные, мировоззренческие учения неизменно соотносили себя с традиционным для России православным умозрением. Через эту установку они и определяли себя. Вот почему в центре внимания постоянно оказывался не столько человек как природное существо, сколько неисчерпаемый духовный опыт личности, смысл индивидуального и коллективного (народного) бытия.

Автора воодушевляет иной пафос: он хочет восстановить в правах материализм, который,

---

¹ Каравашкин Андрей. Литературный обычай Древней Руси (XI-XVI вв.). М., 2011.

² Там же. С. 7.

по его мнению, не получил должного признания в работах по русской философии. Но здесь, на мой взгляд, исследовательская корректность покидает А.Д. Сухова. На самом деле неискушенный читатель, прочитав приводимые ссылки на В.С. Соловьева, может подумать, что русский философ был истым приверженцем материализма и позитивизма. Но разве не В.С. Соловьев написал следующие строчки: Таким образом, если позитивисты утверждают эту систему эмпирических наук как единственное истинное познание и отрицают всякое безусловное начало, религиозное и философское, то это утверждение и это отрицание представляют только естественное следствие собственной *ограниченности* позитивизма»³

В строгом научном исследовании такие выборочные суждения отдельных философов недопустимы. В.С. Соловьев пишет: «Современная религия есть вещь очень жалкая...»⁴ И А.Д. Сухов на основании этих слов хочет внушить читателю, что В.С. Соловьев отрицательно относился к религии. Тогда кому принадлежат следующие строчки: «С верой в сверхчеловеческое Добро, т.е. в Бога, возвращается и вера в человека, который тут уже является не в своем одиночестве, немощи и неволе, а как свободный участник божества и носитель силы Божией»⁵. Мне совершенно непонятно, почему на основании анализа исторических судеб религии, когда Н.А. Бердяев критикует дряхлость и ветхость христианства, нужно срочно переводить его в разряд атеистов. Разве русский философ приветствует кризисные процессы в христианстве, разве он поборник рационализма? Ну, нельзя же в угоду своей схеме искажать подлинную философскую позицию русских философов. Давно отмечено, вытаскивая из костюма белые нитки, нетрудно доказать, что он белого цвета...

Вообще, как А.Д. Сухов представляет суверенность религиозного сознания? Очевидно, все присягают на верность Богу, никто не замечает кризисных процессов в религии, никому не приходит в голову выразить горечь об утрате религиозных установлений. Но ведь без философской самооценки религиозного сознания не бывает. С таким же успехом, выхватывая цитаты из трудов убежденных материалистов можно доказать, что они презирали это мировоззрение. Разве мы не знаем, как ученые, которые придерживались ма-

териалистических взглядов, порою готовы были отречься от этой философской традиции? Кто тогда объяснит увлечение спиритизмом, которое дало ростки именно в научной среде?

Однако А.Д. Сухов предвидит такую несправедливость. Он пишет: «Наряду с трактовкой русской философии как всецело религиозно-идеалистической обнаруживается и другая крайность, проявляющаяся в гипертрофировании материалистического направления в ней. Правда, эта крайность никогда не была так ярко выражена, как первая»⁶. По поводу последнего утверждения готов решительно поспорить с моим другом А.Д. Суховым. Но тут меня осеняет мысль: разве я хочу поставить под сомнение эрудицию и автора и ценность его книги? Как раз наоборот.

Полностью согласен с авторским суждением: «Объективное изложение истории русской философии предполагает признание обоих главных направлений в ней — материалистического и идеалистического. Попытки создать представление, что «русская душа» религиозна и не приемлет материалистических воззрений или, напротив, что русский народ по самой природе своей «глубоко атеистический», не находили фактического подтверждения. Материализм и идеализм, атеизм и религия в русской среде, как и повсюду, находились в соотношении, взаимодействуя друг с другом и противодействуя друг другу. Но в различные периоды русской истории их значимость менялась и содержание тоже; представлены они были по-разному»⁷

Примечателен вопрос, заданный автором: «сколько лет русской философии»? Да, действительно здесь нет единомыслия. Исследовательская работа, которая велась за последнее время, позволят отнести становление русской философии к эпохе, наступившей после крещения Руси (конец X-XI вв.). Собственно, по мнению А.Д. Сухова, идея о том, что русская философия — современница начавшейся христианизации страны, не нова. Феодализация страны относится к X в. Эволюция восточнославянского язычества в религиозную систему, которая соответствовала бы потребностям общества, содержащего классовые антагонизмы, сопровождалась реформацией, которая подталкивала этот процесс. Заметим, что в нашей научной литературе

³ Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 138.

⁴ Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 1. 1989. С. 52.

⁵ Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 312.

⁶ Сухов А.Д. Русская философия: характерные признаки и представители, особенности развития. М., 2012. С. 9.

⁷ Там же. С. 9-10.

есть и иные взгляды на этот процесс. Так, Б.Ф. Сушков пишет: «Мысль, что переход от языческих религий к единобожию теизма был весьма прогрессивным, цивилизующим явлением мировой истории — *вопиющая неправда*. Наоборот, именно отделение Бога от Природы, создание Бога-личности, Творца природы и человека, сыграло роковую, катастрофическую роль в истории народов и всего человечества. Это извратило и продолжает извращать всю мировую культуру»⁸.

А.Д. Сухов ставит перед собой весьма значительные задачи. Он хочет очистить Авгиевы конюшни в сознании русского человека — того чудовищного всевозможного хлама, накопленного за десятилетия дурного образования, философского невежества, нравственной неразвитости, бескультурья и духовного одичания, мифов и суеверий, что мешает ему адекватно воспринимать действительность. По мнению Сухова, Россия к концу XX в. ухитрилась сохранить средневековое мирозерцание и образ жизни, несмотря на новое европейское образование, развитие науки и «величайшую в мире социальную революцию»⁹.

Нет оснований спорить с А.Д. Суховым, который приветствует рождение новой, действительно Великой России как европейское государство, именно европейское, а не евразийское. Автор показывает, что русская стихийно-народная душевность принимает разнообразные, самые противоположные формы — охранительные и бунтарские, национально-религиозные и интернационально-социалистические.

Книгу А.Д. Сухова можно по праву назвать публицистической. В ней нет четко обозначенной хронологии, нет и проблемной закреплённости. Я даже не подозревал, что в моем внешне апатичном друге дремлет такая страстность, полемический задор и даже некая убежденность в своей неоспоримой правоте. Однако мысли А.Д. Сухова получают основательную аргументацию, опираются на серьезный философский каркас. Вопрос о том, когда появилась русская философия, оказался непростым. Философские идеи были рассредоточены в общественном сознании (религиозном по своему характеру). В конце XV — первой половине XVI столетия наметилось в виде тенденции, отделение философии от теологии. Теоретические искания реформаторов отражались, по мнению

А.Д. Сухова, на всем общественном сознании, на различных его фракциях и компонентах, включая и ортодоксию.

Вполне солидарен с мнением А.Д. Сухова, что специфика русской философии, ее традиций во многом предопределялась нестандартностью социального развития страны, в том числе и особенностями формационного развития¹⁰. Автор так много сил отдал полемике, постоянно отвергал попытки других авторов отыскать оригинальные черты русской философии. И вот, наконец, мы читаем на стр. 54: «Специфика русской философии, когда речь идет о ее содержательной сфере, не только в исключительной значимости социальной тематики. Ни одна философия в мире, по-видимому, не была занята так много судьбами собственной страны, как русская. Что происходит с Россией, что ее ждет и что в связи с этим делать? Вот те проблемы, которые решались философами самой различной ориентации, особенно в тот хронологический период, который приходится на XIX и XX столетия.

Русская философия прошла через романтизм 20-30-х годов, славянофильство и западничество 40-50-х, страстный нигилизм и материализм 60-х годов. В 70-е годы начал свою проповедь универсального всеединства и цельного знания Владимир Соловьев. Развитие социальной мысли второй половины XIX в. было связано с народничеством. При всей несовместимости этих предпосылок философы видели перед собой одну цель — указать человеку пути его собственного жизнеустроения, основываясь на постижении человеческой природы.

Спектр конкретных программ оказался поистине неисчерпаемым. Эволюция во многом определялась движением от Иллариона и Сковороды (феномены Толстого, Достоевского, Соловьева), одухотворенным нравственно-обостренным отношениям русского человека к жизни и к самому себе и вытекающим из этого стремлением к духовному самоусовершенствованию, к социальному протесту против сложившегося общественного порядка, к нигилизму, бунту и революционным манифестам.

О чем бы ни шла речь — о православном сознании, русской идее, преобразовании общества, осмыслении бытия, — отечественные мыслители прежде всего пытались раскрыть феномен человека. Они полагали, что без постижения того,

⁸ Сушков Б.Ф. Русская культура: новый курс. М., 1996. С. 10.

⁹ Сухов А.Д. Русская философия. М., 2012. С. 13.

¹⁰ Там же. С. 42.

что составляет сущность личности, нельзя продвигаться к обсуждению других вопросов. Такое персоналистическое устремление в европейской философии отсутствовало. Этой теме, к сожалению, в книге не уделено должного внимания. Зато социальная проблематика представлена разнообразно.

Вот глава «Столетняя дискуссия: западничество или самобытность?». А.Д. Сухов показывает, что диспуты, в ходе которых предлагались прозападнические варианты социального развития и формулировались проекты, ориентированные на самобытность, точно укладываются в промежуток времени между 1839 и 1939 гг. «Западничество и славянофильство, два направления в тогдашнем русском либерализме, так и остались каждое при своем мнении. Но либерализм в дальнейшем использовал то, что было получено в этой двадцатилетней полемике. Социальной философией и философией истории его сопоставлялись и в какой-то мере синтезировались воззрения обеих сторон противоборствующих партий»¹¹.

В анализе консерватизма как мировоззренческого направления А.Д. Сухов обнаруживает себя как проницательный и хорошо эрудированный специалист. Вообще эта глава по-настоящему энциклопедична. Каждое идейное направление охарактеризовано с особой тщательностью и глубиной. Автор отмечает, что, начиная с 40-х годов XIX в., русская социальная мысль на своем левом фланге испытывала все возрастающее влияние со стороны марксизма. Бакунин, Лавров, Ткачев знают произведения основоположников марксизма достаточно хорошо; это знакомство не было случайным; им стали известны важнейшие идеи марксизма. Бакунин и Лавров в течение длительного времени поддерживали личные отношения с К. Марксом и Ф. Энгельсом¹².

Народники были захвачены духом позитивизма, царившим в Европе и успешно проникавшим в Россию. Исходные убеждения их определялись верой в науку, критицизмом и даже скептицизмом. Однако позитивистская ориентация ума невольно очерчивала и границы этики.

Человек для Лаврова — «единство бытия и идеала». Личность создает идеалы и действует на основании своих идеалов. История, следовательно, оказывается сферой воплощения нравственных абсолютов. Однако трансцендентное, абсо-

лютное бытие объявляется несуществующим. В результате «критическое сознание», «критически мыслящие личности» представляются продуктом индивидуального и общественного развития. Широко известно, что Н. Михайловский противопоставлял специфически русское понимание «правды» европейской «истине». Личность для Михайловского становится «мерой всех вещей Я»; нет абсолютной истины, есть только истина для человека: «Я вполне удерживаю за собой право критиковать великий Божий мир с точки зрения своего кусочка мозга».

Очень жаль, что замечательная по фактуре и движению исследовательской мысли глава VII не имеет общего завершения. Здесь поставлены острые социальные вопросы и возникает вполне естественное желание получить некий «сухой остаток» из многообразия мировоззренческих движений, присущих России.

Морализм русской мысли получил предельное выражение в философском и художественном наследии Л.Н. Толстого. Именно он потребовал подчинения всех начал и стихий жизни моральному императиву. Стать ортодоксальным христианином Толстому, как известно, не удалось. Он был проникнут духом рационализма и не мог принять на веру то, что не постигает рассудком. Толстой создал собственную версию христианства, он переписал Евангелия, оставляя только то, что «разумно», отрицая божественную природу Христа, реальность его воскресения, евангельские чудеса. И вместе с тем Толстой проповедовал необходимость вернуться к религиозной культуре. Он доказывал, что бессмысленна безрелигиозная жизнь, в которой нет подлинного абсолютного добра.

Толстой стремился к религиозному построению культуры. Но для него не существовало ничего трансцендентного. Мир казался ограничен тем, что доступно простой пятнице чувств. Писатель рассудочно-рационалистичен. И потому его религия сводится к этике. Все в жизни он хочет подчинить одному моральному началу: науку, искусство, семью, государство и в первую очередь человека. Крайний этический максимализм приводит Толстого к аскетическому отторжению культуры, к историческому и культурному нигилизму.

О философском наследии Л.Н. Толстого за последнее время было издано немало. В Институте философии была защищена диссертация М.Л. Гельфонд «Нравственно-религиозное уче-

¹¹ Сухов А.Д. Русская философия. М., 2012. С. 194.

¹² Там же. С. 251.

ние Л.Н. Толстого: теоретическое содержание и нормативный смысл» (2010) и книга П.И. Симуша¹³. В книге А.Д. Сухова много неожиданных и интересных рассуждений. Отмечается, кстати, что Л.Н. Толстой — совершенно особая фигура в философии. Оказывается, любомудры не жаловали писателя и жестко его критиковали. Сам Л.Н. Толстой считал, что его философское творчество не менее значимо, чем художественное¹⁴. За свою долгую жизнь Толстой приобрел огромную философскую эрудицию. Он был знаком, по свидетельству А.Д. Сухова, со всей философской классикой. Немало значил для Толстого и философский Восток.

Весьма ценно, что А.Д. Сухов сразу обращает критические стрелы против стереотипов, которые укоренились в общественном сознании. Да, нет оснований оспаривать положение о том, что «новая религия» Толстого были принципиально отлична от старых, традиционных, сложившихся в ходе истории. Религия Толстого сводится к совокупности нравственных заповедей, организуемых определенными мировоззренческими установками. В этой главе интересны не только общие выводы исследователи, но и сам процесс продвижения к общей оценке, характер аргументации А.Д. Сухова, скрупулезность в подборе фактов.

Хорошо проанализированы в книге социальная философия и философия истории Толстого. Удручает сообщение о том, что до сих пор нет собрания философских произведений Толстого. Вообще, оказывается, философские сочинения неизменно наталкиваются на трудности при издании. Хочется верить, что мы дождемся того времени, когда появится возможность для объективной и разносторонней оценки философского наследия великого писателя и мыслителя.

Безусловно, ценность рецензируемой книги А.Д. Сухова определяется и его углубленным анализом материалистического направления русской философии. Здесь рассматривается по существу золотой фонд русской философии. Ломоносов, Радищев, Герцен, Огарев, Белинский, Петрашевский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Бакунин, Лавров, Ткачев. Честно говоря меня слегка смущает широкое толкование материализма, каким он выглядит в книге А.Д. Сухова. Возьмем, к примеру, анализ философии

В.Г. Белинского. Критик не был специалистом в области естествознания. Но если он рассматривал «материальную потребность» в качестве великого рычага перемен, то для материалистической атрибуции этого еще недостаточно. Может быть, в данном случае следовало показать, как Белинский старался перетолковать диалектику Гегеля в материалистическом духе. Да, материализм как особое направление в русской истории имеет собственную традицию. Он многообразен, многомерен и многолик. В нем много работ, идей и представителей. Можно даже согласиться с тем, что русскому материализму отводилось мало места в философской литературе.

Отдельная глава посвящена П.А. Кропоткину как философу. Вероятно, потому, что он соединил в одном лице незаурядного общественного деятеля, всемирно известного ученого (естественника, гуманитария), философа. Все это замечательно. Но вот мы узнаем, что Кропоткин осмысливал социальную динамику в духе многофакторности. Но ведь это не противоречит современной социальной философии и доказывает плодотворность работы Кропоткина как социального мыслителя. Так какая же надобность обязывает А.Д. Сухова изо всех сил привязывать Кропоткина к узкому экономическому толкованию истории? Не стремимся ли мы к тому, чтобы принизить глубину социальной философии Кропоткина? Почему в конце концов на первый план выходят мировоззренческие, идеологические, а не научные соображения?

Теперь хочу дать оценку всей книге. Несомненно, работа А.Д. Сухова — нерядовое исследование. Оно поражает серьезностью анализа, широтой охвата материала, многообразием и верностью оценок. Сравнение материализма и идеализма в философии не вызывает у меня никаких возражений. Но я не убежден в том, что мы все должны присягнуть сегодня на верность материализму и взять реванш в критике идеализма. Борясь с одними предрассудками, мы начинаем плодить другие. Никто из философов не имеет привилегии считать себя «правильным». При чтении книги у меня порой рождается чувство некоторого огорчения, когда А.Д. Сухов доказывает, что продуктивная философская идея может возникнуть лишь в русле материалистической традиции.

¹³ Симуш П.И. Навигатор ноосферы: Лев Николаевич Толстой. М., 2010.

¹⁴ Там же. С. 269.